

ПОСЛЕ Отелло, затем Тэттла видеть Лоренса Оливье в «новом измерении», сидящим против вас за столом в номере гостиницы, странно. Кажется, что это тоже сцена из какого-то спектакля, таким неожиданно «нетрадиционным» оказался этот знаменитый актер: никакой позы, никакого «величия» — перед вами обаятельный, слегка усталый человек, которому никогда не дашь 58 лет. В его облике, в улыбке есть что-то задумчивое, какая-то неторопливость, сила и вместе с тем удивительная мягкость.

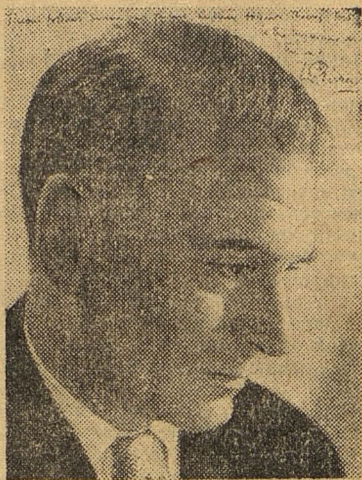
Разговор наш быстро сосредоточился на Шекспире — любимом драматурге Лоренса Оливье, работе над образами которого он отдает очень много сил. — Людям свойственно обманывать себя, — задумчиво говорит Оливье, — часто они думают о себе совсем не то, что думают о них другие. Лучше всего это понимал Шекспир. Он был великим психологом. И когда вы спрашиваете меня, чему мы, актеры, режиссеры, драматурги, люди, непрестанно учимся у него, я думаю, что прежде всего — глубокому знанию нас самих, тому, что я назвал бы интуицией. Именно поэтому Шекспира нельзя играть однопланово, вернее, понимать его характеры как носителей определенных свойств. Нельзя гротесковать, например, Гамлета только как сомневающегося, а Отелло как ревнива. Да, Отелло ревнив, конечно же, он очень ревнив, но он не знал этого за собой до тех пор, пока Яго не заронил сомнение в его душу. Отелло — не ревнивец. Он ревнив, потому что он — человек.

Я не хотела спрашивать Оливье о том, как он трактует роль Отелло, честное слово, он уже сказал обо всем на сцене! Но Оливье сам заговорил об этом, будто самому себе отвечая на вопрос о том, почему Шекспир так безграничен во времени.

— Так вот, — продолжал он, — хоть Макбет и честолюбив, Гамлет неуверен, а Отелло ревнив, нельзя их играть только такими, ибо только обстоятельства толкают их на то, чтобы проявлять в сильно увеличенном виде эти качества. Шекспир знал людей, и потому его характеры можно считать современными не в буквальном, а в очень широком смысле. Играв роль Гамлета, например, я не хотел усугублять психологическую сторону образа. Можно было развить, подчеркнуть в нем эту черту; я же старался этого избежать. Пусть зритель сам видит в многогранности шекспировского характера то, что он хочет в нем видеть. Вы, наверное, слышали, — продолжает актер, — что критики считают, будто в «Гамлете» присутствует «эдипов комплекс». Ну что же, может быть, и есть. Возможно, — Оливье хитро улыбнулся, — что в семье датского принца и был такой комплекс, но если бы я попытался подчеркнуть это, я погрешил бы против Шекспира. Пусть критики ищут, что им хочется, а зрители воспримут Шекспира в соответствии с собственным характером. Я же стремлюсь сыграть живого человека. Я долго работал над ролью Отелло. По-моему, он не должен быть слишком благородным, не должен возвышаться над другими людьми. Много ли мы видим вокруг таких сверхблагородных, возвышенных людей? Все мы более или менее одинаковы, нас бушуют страсти, мы по-человечески слабы и сильны в одно и то же время. Чувства возникают непроизвольно: любовь, страх, ревность, жестокость... Чаше человек действует, а потом анализирует свои поступки. Так и Отелло: стоило Яго растравить его, как он уже бушует одним жела-

нием убить и ни на минуту не задумывается, права ли Дездемона.

Я понимаю идею Оливье, хотя он и не подчеркивает, что у него есть какая-то особая интерпретация роли. Смелость его замысла именно в живой многогранности образа. Эта смелость и простота доступны только гениальному актеру. Оливье много раз повторяет, что художествен-

Передавая этот снимок читателям «Советской культуры», Лоренс Оливье написал на фотографии: «Теория следует за успехом и поражением. Культура следует за теорией. Искусство — это начало и конец».

«ВЕЛИКИЙ ПОНИМАТЕЛЬ»

БЕСЕДУЯ С ЛОРЕНСОМ ОЛИВЬЕ

ное произведение, в данном случае спектакль, страдает, если в нем слишком ясно ощущается то, что называют «красной нитью». Нельзя проводить слишком явно одну линию ни в образе, ни в целом спектакле. Так же, как нельзя слишком осовременивать классиков».

Оливье рассказывает, как он работал над «Ричардом III» и «Генрихом V».

— Это было в начале второй мировой войны, и совершенно естественно, что в образе Ричарда можно было уловить черты Гитлера. Но чтобы не превратить шекспировский образ в неоправданный гротеск, я сделал его занимательным, как бы отвлек зрителя от слишком прямолинейного истолкования.

Естественно, мы больше всего говорили о Шекспире: Отелло все еще стоял перед моими глазами, а Лоренс Оливье думал о том, что он должен был играть вечером. Шекспира он играл с самого начала своей сценической карьеры. Сейчас он считается одним из лучших в мире исполнителей шекспировских ролей не только в театре, но и в кино. Но, помимо Шекспира, у самого Оливье и у руководимого им театра много других увлечений. Например, только что поставленная и впервые сыгранная в Москве пьеса Конгрива, драматурга эпохи Реставрации. Оливье с восторгом повторяет остроумные строки этой блестящей комедии, радуется, что ее так хорошо приняли у нас, он чувствует себя счастливым, слыша похвалу исполнителям этого спектакля.

— В этом спектакле весь цвет труппы, — с гордостью говорит он. — Актеры очень преданы своему театру и работают, не жалея сил. Нагрузка огромная.

Помимо репертуарных спектаклей на сцене театра «Олд Вик», летом вся труппа выступает на ежегодном фестивале в Чичестере. Кроме того, часть труппы гастролирует в провин-

ции. Аведь Национальному театру Великобритании — «первенцу» — еще не исполнилось и двух лет. «Первенцу», потому что впервые в Англии был создан постоянный театр с постоянной труппой актеров и с большим репертуаром. Для нас, советских людей, в этом нет ничего особенного, но в Англии и во многих других европейских и американских театрах актеры набираются на определенный спектакль и переключаются из одного театра в другой в зависимости от того, где им предложат роль. Национальный театр — своего рода эксперимент, в удачном результате которого заинтересованы все «участники» и в первую очередь Лоренс Оливье. Как родилась идея Национального театра?

— Даже не помню, так давно я думал об этом, — говорит Оливье. — Такой театр должен был появиться как средоточие усилий различных актеров, режиссеров, драматургов. Но здесь есть и другая сторона, даже опасность. Когда театр превращается в постоянный институт, это вносит элемент успокоенности: меньше риска, меньше волнений. Я говорил уже о том, что театр не должен превращаться в музей. Последнее, на мой взгляд, — это не только пьесы, долгое

время сохраняющиеся в репертуаре, это одни и те же приемы, один стиль. Вот поэтому в нашем театре работают самые разные режиссеры, каждый со своей индивидуальностью, своим «почерком». Участие в непохожих спектаклях помогает актерам многогранно раскрыть свой талант, избегая повторений. Мы играем пьесы разных эпох, и классиков, и современных драматургов, не ориентируясь только на современный репертуар. Это, — лукаво улыбаясь, добавляет он, — наше спасение, потому что не так легко находить новые хорошие современные пьесы. Мы ставили Осборна, Беккета Пинтера, Шеффера, Артура Миллера. В ваших театрах идет Миллер? — неожиданно спрашивает Оливье. Я отвечаю, что Миллера у нас любят.

...Перед взором Оливье — проект размещения нового здания Национального театра Великобритании. Слева — будущее здание Оперы, справа — само здание Национального театра (основная сцена на 1000 зрителей), к нему примыкают небольшой филиал и экспериментальный театр. Зато в центре — громадная небоскреба компании «Шелл», которым, как говорят англичане, они отнюдь не гордятся.

Это большой мастер. Мы ставили его пьесу «Суровое испытание». Какой великолепный материал для актерской игры!

Оливье очень ценит слово. Несколько раз, говоря о той или иной пьесе, например о «Черной комедии» Шеффера, «Носорогах» Ионеско, «Комедианте» Осборна, да и о более «старых» пьесах, таких, как «Сенная лихорадка» Коуарда, он в первую очередь отмечает диалоги. Вспоминаю одну из своих самых любимых ролей — образ Арчи в пьесе Осборна «Комедиант», Оливье говорит, что строки этой пьесы будто написаны светящимися буквами.

— Странная вещь, — добавляет он, — вроде бы и комедия, смешная, но в результате остается едкий привкус.

Он вспоминает свои другие роли в театре — Астрова, Тита Андроника... Хотел бы он поставить еще какую-нибудь пьесу Чехова? «Да,

очень». Какую? После небольшой паузы называет «Три сестры» — да, пожалуй, среди чеховских произведений это больше всего занимает его ум.

— Но на это нужно время, а его очень мало. Сейчас главное — укрепить положение Национального театра, хотя сделано немало: за двадцать один месяц его существования поставлено более двадцати пьес. Среди них три пьесы Шекспира.

Я спрашиваю Лоренса Оливье, как идет строительство нового здания Национального театра, сейчас труппа выступает в старом здании театра «Олд Вик».

— Новый театр будет иметь две сцены: одну с просцениумом, другую — без; используются самые новейшие достижения техники. Проект его долго обсуждался, видоизменялся, прежде чем остановились на последнем варианте.

— Но театр остается театром, — говорит он, — зрительный зал должен вмещать не более тысячи, тысячи ста зрителей, театр не в состоянии загипнотизировать большее число народа. Важно, чтобы было видно малейшее движение мускулов на лице актера.

— А кино? — спрашиваю я, — вот уж где видно все.

— Да, отвечает Оливье, — зато в кино нет другого: в нем нет той связи зрителя и актера, какая возможна только в театре. Телевидение тоже лишено этого — там, фигурально выражаясь, слишком велик просцениум — он размером с комнату, где стоит телевизор.

Все искусство, все силы Лоренса Оливье отданы сейчас первому национальному театру Великобритании.

Играв в нескольких спектаклях сразу, он вместе со своими помощниками читает новые пьесы, работает с молодыми актерами, ездит в провинциальные города, участвует в утренниках для молодежи (Оливье уверен, что молодежи нужен свой театр, со своим репертуаром, и его очень интересует вопрос, есть ли у него «хобби» — другие увлечения, кроме театра, он, перебрав в уме различные «варианты», серьезно отвечает, что, пожалуй, нет.

— Я люблю музыку, искусство, но единственное мое «хобби» — это театр. Чего бы я хотел, может быть, — это выращивать сад... Если бы он у меня был, — смеется Оливье, глядя в окно на залитую солнцем улицу с пронесшимися мимо автомобилями. — Я живу в центре Лондона и редкие свободные часы отдаю детям.

— А вы хотели бы, чтобы ваши дети тоже были актерами?

— Не знаю. Наверное, нет. Ведь, помимо таланта, актеру необходимы и другие качества. На это уходят все силы, буквально все, нужно быть стойким, чтобы пройти через все препятствия и разочарования, чтобы не быть «убитым» критикой, чтобы сохранить веру в себя и свое искусство. Легче попасть на сцену, чем удержаться на ней.

Лоренс Оливье говорит лаконично, но мысль его больше слов. Он задумывается, прежде чем найти подходящее определение — что такое актер, и, не найдя нужного слова, создает его сам: «Актер — это великий пониматель».

А. МАРТЫНОВА.